

**ВЕСТНИК ЮРИДИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ**

2023, Том 2, №2

Подписано к публикации: 27.06.2023

*Главный редактор
журнала:
доктор юридических наук,
профессор*

**Серебренникова
Анна Валерьевна**

E-mail: blr-journal@yandex.ru

Сайт: <https://blr-journal.ru>

Редакционная коллегия по основным направлениям работы журнала:

Абшилава Георгий Валерьянович (РФ, г. Ульяновск) – доктор юридических наук, профессор
Авакян Рубен Осипович (Армения, г. Ереван) – доктор юридических наук, профессор, академик МАНЭБ, академик Всеармянской Академии проблем национальной безопасности
Айбатов Магомеднаби Магомедмирзоевич (РФ, Р. Дагестан) – доктор юридических наук, профессор
Бирюков Павел Николаевич (РФ, г. Воронеж) – доктор юридических наук, профессор
Василевич Григорий Алексеевич (Беларусь, г. Минск) – доктор юридических наук, профессор
Васильев Сергей Владимирович (РФ, г. Псков) – доктор юридических наук, профессор
Васильев Федор Петрович (РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, профессор
Глебов Игорь Николаевич (РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, профессор
Громов Владимир Геннадьевич (РФ, г. Саратов) – доктор юридических наук, профессор
Ибрагимов Жамаладен Ибрагимович (Казахстан, г. Астана) – доктор юридических наук, профессор
Коваленко Вадим Николаевич (РФ, г. Волгоград) – доктор юридических наук, профессор
Кожевников Олег Александрович (РФ, г. Екатеринбург) – доктор юридических наук, профессор
Корнилов Геннадий Александрович (РФ, г. Дагестан) – доктор юридических наук, профессор
Коршунова Ольга Николаевна (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор юридических наук, профессор
Лазарева Лариса Владимировна (РФ, г. Владимир) – доктор юридических наук, профессор
Машовец Асия Океановна (РФ, г. Екатеринбург) – доктор юридических наук, доцент
Мельников Виктор Юрьевич (РФ, г. Ростов на Дону) – доктор юридических наук, доцент
Мельников Николай Николаевич (РФ, г. Орел) – доктор юридических наук, доцент
Минязева Татьяна Федоровна (РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ
Миронов Анатолий Николаевич (РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, профессор
Михайлова Екатерина Владимировна (РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, доцент
Мишина Наталья Вячеславовна (РФ, г. Москва) – доктор политических наук, доцент
Мустафаева Айтен Инглаб кызы (Азербайджан, г. Баку) – доктор юридических наук, профессор
Небрятенко Геннадий Геннадьевич (РФ, г. Ростов-на-Дону) – доктор юридических наук, профессор
Николайченко Виктор Викторович (РФ, г. Саратов) – доктор юридических наук, профессор
Остапович Игорь Юрьевич (РФ, г. Екатеринбург) – доктор юридических наук, доцент
Пешкова Христина Вячеславовна (РФ, г. Воронеж) – доктор юридических наук, профессор
Прошин Владимир Михайлович (РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, доцент
Рустамов Хасплат Умалатович (РФ, г. Дагестан) – доктор юридических наук, профессор
Сумачев Алексей Витальевич (РФ, г. Ханты-Мансийск) – доктор юридических наук, профессор
Халифаева Анжела Курбановна (РФ, Р. Дагестан) – доктор юридических наук, профессор
Числов Александр Иванович (РФ, г. Тюмень) – доктор юридических наук, профессор
Шатковская Татьяна Владимировна (РФ, г. Ростов-на-Дону) – доктор юридических наук, профессор РФ

Содержание

Балашов К.Г.

Эволюция договорного права в условиях развития цифровых технологий
на примере смарт-контрактов 4-12

Масуфранова Е.А., Дубровский Н.С., Балашов К.Г., Макеева И.О.

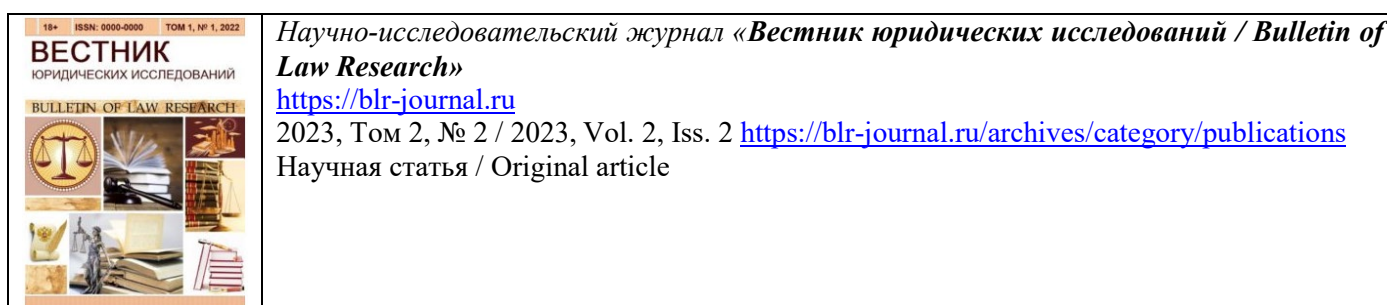
О некоторых аспектах развития процессуальных парадигм в Российской Федерации 13-22

Дубровский Н.С.

История становления российского федерализма 23-28

Капанина Д.Н.

Искусственный интеллект: понятие и возможная правосубъектность 29-35

Эволюция договорного права в условиях развития цифровых технологий на примере смарт-контрактов

¹ Балашов К.Г.,

¹ Юго-Западный государственный университет

Аннотация: введение: данная научно-исследовательская статья посвящена изучению эволюции договорного права в условиях активного развития цифровых технологий, с основным фокусом на примере смарт-контрактов. Значимость избранной для изучения темы определяется глубинным сравнительно-правовым анализом, предпринимаемым автором в отношении смарт-контрактов с учетом релевантности имеющихся норм договорного права как в России, так и в мировом сообществе. Принципы договорного права, унаследованные от классической юридической парадигмы, сталкиваются с непреодолимыми трудностями в свете формирования нового информационного направления, что акцентирует потребность в глубоком аналитическом рассмотрении и, гипотетически, в корректировке этих основ с целью достижения адекватного юридического регулирования отношений, проистекающих из использования смарт-контрактов.

Методология: в процессе подготовки научного труда авторы активно задействовали различные научные методологии, включая сравнительно-правовой, формально-юридический и системно-правовой подходы, что имело критическое значение для достижения целей исследования. Важной задачей стало выполнение сопоставительного анализа преобразований в правовом понимании и регулировании смарт-контрактов в мировых правовых системах, представляющих романо-германские правовые традиции.

Прибегая к формально-юридическому анализу, автором было осуществлено глубокое изучение и интерпретация специализированной терминологии и теоретических концепций, среди которых особое место занимают блокчейн технологии, системы распределенных реестров и автоматизация в исполнении обязательств. Данный подход позволил максимально точно охарактеризовать объекты исследования, обогатив исследовательский инструментарий соответствующими научными категориями.

Системно-правовой метод, в свою очередь, способствовал интеграции и структурированию полученных в ходе исследования данных для формирования комплексного представления о статусе и функционировании института смарт-контрактов как в контексте российского законодательства, так и на международном

уровне. Такой методологический подход подчеркивает стремление автора к научной объективности и глубине анализа в оценке текущего состояния и перспектив развития изучаемого юридического явления.

Результаты исследования: в результате исследования были выявлены основные тенденции развития смарт-контрактов, их потенциальные преимущества и недостатки, а также влияние цифровизации на традиционные договорные отношения. Обсуждается вопрос правового статуса смарт-контрактов, их сравнение с традиционными договорами, а также возможные перспективы использования и развития цифровых договорных инструментов в будущем.

В заключении подводятся основные итоги исследования, делаются выводы о важности адаптации договорного права к вызовам цифровой эры и необходимости развития новых правовых механизмов для регулирования сферы цифровых договоров.

Ключевые слова: договорное право, цифровые технологии, смарт-контракты, эволюция, договорные отношения, правовое регулирование, цифровизация, исполнение договоров

Для цитирования: Балашов К.Г. Эволюция договорного права в условиях развития цифровых технологий на примере смарт-контрактов // Вестник юридических исследований. 2023. Том 2. № 2. С. 4 – 12.

Поступила в редакцию: 22 марта 2023 г.; Одобрена после рецензирования: 24 мая 2023 г.; Принята к публикации: 27 июня 2023 г.

***Evolution of contract law in the conditions of digital technology
development by the example of smart contracts***

¹ Balashov K.G.,

¹ Southwestern State University

Abstract: introduction: this research article is devoted to the study of the evolution of contract law in the context of the active development of digital technologies, with a main focus on the example of smart contracts. The significance of the topic chosen for study is determined by the in-depth comparative legal analysis undertaken by the author in relation to smart contracts, taking into account the relevance of existing norms of contract law both in Russia and in the world community. The principles of contract law, inherited from the classical legal paradigm, face insurmountable difficulties in the light of the formation of a new information direction, which emphasizes the need for in-depth analytical consideration and, hypothetically, adjustment of these foundations in order to achieve adequate legal regulation of relations arising from the use of smart contracts .

Methodology: in the process of preparing scientific work, the authors actively used various scientific methodologies, including comparative legal, formal legal and systemic legal approaches, which was critical to achieving the

goals of the study. An important task was to perform a comparative analysis of transformations in the legal understanding and regulation of smart contracts in world legal systems representing the Roman-Germanic legal traditions.

Resorting to formal legal analysis, the author carried out an in-depth study and interpretation of specialized terminology and theoretical concepts, among which blockchain technologies, distributed registry systems and automation in the fulfillment of obligations occupy a special place. This approach made it possible to characterize the objects of research as accurately as possible, enriching the research tools with relevant scientific categories.

The systemic-legal method, in turn, contributed to the integration and structuring of the data obtained during the study to form a comprehensive picture of the status and functioning of the institution of smart contracts both in the context of Russian legislation and at the international level. This methodological approach emphasizes the author's desire for scientific objectivity and depth of analysis in assessing the current state and prospects for the development of the legal phenomenon being studied.

Research results: as a result of the study, the main trends in the development of smart contracts, their potential advantages and disadvantages, as well as the impact of digitalization on traditional contractual relationships were identified. The issue of the legal status of smart contracts, their comparison with traditional contracts, as well as possible prospects for the use and development of digital contractual tools in the future are discussed.

In conclusion, the main results of the study are summed up, conclusions are drawn about the importance of adapting contract law to the challenges of the digital era and the need to develop new legal mechanisms to regulate the sphere of digital contracts.

Keywords: contract law, digital technologies, smart contracts, evolution, contractual relations, legal regulation, digitalization, execution of contracts

For citation: Balashov K.G. Evolution of contract law in the conditions of digital technology development by the example of smart contracts. *Bulletin of Law Research*. 2023. 2 (2). P. 4 – 12.

The article was submitted: March 22, 2023; Approved after reviewing: May 24, 2023; Accepted for publication: June 27, 2023.

Концепция «смарт-контракта», впервые предложенная Ником Сабо, выдающимся американским исследователем, описывает эти уникальные договорные механизмы как средство протоколирования и реализации договоренностей между участниками с применением механизма распределенных реестров. Определение Сабо заложило фундамент для более глубокого анализа и исследования смарт-контрактов как в международном академическом пространстве, так и в национальной науке [1].

Технологически, смарт-контракт является компьютерной программой, закодированной в виде математических алгоритмов, которая функционирует внутри блокчейн-платформы, предоставляя возможности для автоматизации исполнения транзакций между участниками.

С позиции юридического дискурса, основываясь на классических принципах обязательственного права, смарт-контракт можно интерпретировать как автоматизированный механизм договора, где исполнение

условий договора инициируется автоматически при наличии заранее определенных критериев, кодифицированных в его программном обеспечении.

Исследование нацелено на изучение актуальных правовых концепций смарт-контрактов, связанных с обязательственным правом, принадлежащим к традициям романо-германской системы права.

Объектом анализа выступают современные юридические подходы к определению и регулированию смарт-контрактов как в Российской Федерации, так и на международном уровне, в контексте быстрого развития цифровых технологий. Предметом исследования при этом являются нормативные акты, доктринальные труды и научные работы, посвященные изучению юридической сущности и особенностей смарт-контрактов.

С 1 октября 2019 г. в Российской Федерации вступил в силу Федеральный закон от 18 марта 2019 г. №34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации», где было представлено понятие цифровых прав, закреплены особенности их перехода, изменены правила о соблюдении формы сделки и ее исполнения [2]. Данные нововведения стали одними из непосредственных результатов развития национального проекта «Цифровая экономика», целью которого является законодательное урегулирование общественных отношений, складывающихся в условиях развития цифровых технологий.

В рамках реализации вышеупомянутого национального проекта, государства стремится к установлению статуса операций, проводимых в письменной или электронной форме, включая автоматизированные договоры, известные в научном сообществе как смарт-контракты. Суть данного подхода заключается в возможности выполнения соглашений без необходимости явного дополнительного согласия сторон с использованием информационных технологий, как это определено в пункте 2 статьи 309 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Правовое понимание термина «смарт-контракт» приводится в проекте федерального закона № 419059-7 «О цифровых финансовых активах», где смарт-контракт определен как договор в электронной форме, исполнение прав и обязательств по которому осуществляется автоматически через цифровые транзакции в децентрализованном реестре цифровых операций в четко определенной последовательности и при определенных условиях [3].

Таким образом, указанные изменения в юридической сфере направлены на совершенствование процесса заключения и исполнения договоров с применением инновационных цифровых решений, что открывает новые перспективы для развития правовой практики в области электронного взаимодействия и содействует укреплению доверия к цифровым финансовым инструментам.

Исходя из содержания части 2 статьи 309 Гражданского кодекса Российской Федерации, которая в текущий момент служит единственным законодательным основанием для регулирования смарт-контрактов в России, возникает вывод о неоднозначном статусе данного типа контрактов [4]. В случае «смарт-контрактов» в рамках российского гражданского права, можно предположить, что:

а) Смарт-контракт рассматривается как специфический метод исполнения обязательств: учитывая содержание статьи 309, можно утверждать, что смарт-контракт воспринимается как механизм, предназначен-

ный для автоматизированного исполнения обязательств, основанный на цифровых технологиях и заложенных в программный код правилах.

б) Отсутствие четкого определения правовой природы смарт-контракта: В настоящее время законодательство не дает четкого определения юридического статуса смарт-контрактов, что способствует широкому и разнообразному их толкованию и применению. Это может привести к потенциальным противоречиям и неопределенности в сфере применения данной правовой конструкции, требующей дополнительных исследований и разъяснений с точки зрения юридической теории и практики.

Таким образом, неоднозначность в определении статуса смарт-контрактов требует дальнейших исследований и уточнений со стороны законодателя и юридического сообщества для обеспечения ясности и последовательности в применении данного инструмента в правовой практике России.

В континентальных странах отмечается разнообразие точек зрения по определению сущности смарт-контракта как в законодательной сфере, так и в академических исследованиях.

Во французском правовом поле смарт-контракт чаще всего рассматривается как способ исполнения обязательств по договору, где ключевой отличительной чертой является автономность его исполнения. Согласно данному подходу, смарт-контракт действует в дополнение к основному договору [5]. Однако существуют альтернативные точки зрения, согласно которым смарт-контракт может рассматриваться как самостоятельный договор, содержащий все существенные условия для определения его субъекта, порядка исполнения и не требующий предварительного соглашения сторон. Этот подход часто используется для заключения сделок в рамках ICO (Initial Coin Offering) как механизма привлечения инвестиций с применением криптовалюты, где инвесторы не становятся владельцами компании [6].

Современное французское гражданское законодательство, в соответствии со статьей 1369-1, признает заключение договоров в электронной форме равноценным сделкам, заключенным устно или письменно. На данный момент данные нормы позволяют регулировать смарт-контракты в рамках существующего законодательства. Однако существует дискуссия среди французских экспертов относительно определения смарт-контракта [7]. Некоторые специалисты отмечают, что смарт-контракт должен трактоваться именно как договор, заключенный в электронной форме, что в определенной степени урезает его суть. Основной и уникальной особенностью смарт-контракта является его математический код, содержащий алгоритмическую последовательность действий для автоматического исполнения контракта без необходимости дополнительного согласия сторон. Таким образом, существуют аспекты, которые различают смарт-контракты от традиционных форм соглашений, включая уровень автономности и особенности исполнения.

Опыт Швейцарии продемонстрировал, что в этой стране, аналогично Франции, существует обсуждение относительно признания смарт-контрактов юридически действительными договорами. Вопрос заключается в возможности ли «самоисполняемый» характер смарт-контракта быть признанным в рамках традиционного договорного права [8]. Поскольку стороны не могут контролировать выполнение своих «обязательств» после заключения смарт-контракта, отсутствует акт волеизъявления сторон для его исполнения, что в классическом понимании права Швейцарии не создает договорных обязательств через явное их выражение волей сторон.

Однако швейцарские юристы опровергают это утверждение для обеспечения регулирования общественных отношений, вытекающих из смарт-контрактов, в рамках договорного права. С одной стороны, размещение смарт-контрактов на блокчейн-платформе может рассматриваться как часть соглашения, принятого сторонами. Более того, такое соглашение уже может включать такие ключевые моменты, как автоматическое исполнение, о чем заранее договорились стороны.

Таким образом, можно сделать вывод, что смарт-контракты могут быть рассмотрены как юридическая конструкция, порождающая договорные обязательства, даже несмотря на отличительную особенность их автоматического исполнения без дополнительных актов воли [9]. Швейцарское право приспосабливается к современным технологиям, делая возможным включение таких инноваций в рамки существующей юридической системы для соответствия требованиям современного цифрового мира.

В швейцарском законодательстве отсутствует четкое юридическое определение договора. Согласно статье 1 Швейцарского обязательственного закона, единственным требованием для того, чтобы общественные отношения могли быть регулированы в рамках договора, является взаимное выражение намерений сторон [10]. Таким образом, для признания соглашения как договора важно наличие обоюдного согласия.

Факт заключения смарт-контракта с использованием электронных средств, включая блокчейн-платформу, не является определяющим фактором для его квалификации как договора. Хотя форма заключения договора влияет на его юридическую силу, решающим является содержание выраженного волеизъявления сторон. Поэтому, сам факт заключения смарт-контракта через блокчейн может рассматриваться как проявление взаимного согласия сторон, предполагая их согласие на условия контракта и его «самоисполнимость».

Таким образом, в швейцарском праве форма заключения договора не является решающей, и намерение сторон остается важным фактором для его квалификации как договора. В случае смарт-контрактов, электронное соглашение на исполнение автоматизированных условий контракта на платформе блокчейн может считаться выражением такого взаимного согласия, несмотря на специфичность технологии использования.

В условиях быстро развивающейся цифровой экономики, ключевую роль начинают играть инновационные правовые механизмы, среди которых особое место занимают блокчейн-технологии и смарт-контракты. В этом аспекте значимым является опыт Республики Беларусь, которая проявила законодательную инициативу, вступившую в силу 28 марта 2018 года с Декретом Президента №8 «О развитии цифровой экономики». В документе особое внимание уделяется определению смарт-контракта как программного кода, функционирующего в рамках блокчейна или другой распределенной информационной системы и направленного на автоматизацию процессов выполнения сделок или других действий, имеющих юридическое значение [10].

Важным аспектом является признание смарт-контрактов как особой формы совершения сделок, что приравнивается к простой письменной форме, включая публичные предложения, выполненные в виде программного кода. Это расширение понимания форм сделок в юридической доктрине представляет собой значительный шаг в адаптации правовой системы к требованиям цифровой экономики.

Такое правовое регулирование подчеркивает актуальность и необходимость интеграции новейших технологических достижений в правовую сферу. Оно также отражает усиление интереса к новаторским правовым конструкциям и стимулирует создание условий для участия в гражданском обороте с использованием этих инноваций.

Процесс цифровизации экономики и динамичное развитие технологий порождают перед учеными и законодателями сложные задачи по регулированию социальных взаимодействий в условиях, когда темпы технологического прогресса опережают способность государственных структур адаптироваться к ним. Однако экономические преимущества, которые предоставляют смарт-контракты по сравнению с традиционными договорными механизмами, делают их использование выгодным и, следовательно, требуют адекватного правового регулирования. Это, в свою очередь, может привести к формированию нового понимания природы и потенциала смарт-контрактов в рамках правовой системы.

В рамках российского законодательства позиция по специфике реализации обязательств через смарт-контракты носит узконаправленный характер, в то время как международное правовое поле демонстрирует более расширенную интерпретацию данных правовых инструментов. Например, в юрисдикциях таких как Франция и Швейцария, смарт-контракты подпадают под дефиницию самостоятельных договорных отношений, а значит, применяются к ним все стандартные договорные нормы, обеспечивая тем самым эффективное правовое регулирование [9].

В текущих условиях в Российской Федерации отсутствует закрепленное в законодательстве определение «смарт-контракта», что актуализирует необходимость признания их юридической специфики через призму основ договорного права. Такой подход мог бы предотвратить формирование правовых коллизий в случае споров, связанных с исполнением смарт-контрактов.

Важно также заметить, что по действующим нормам Гражданского кодекса Российской Федерации обязательства через смарт-контракты реализуются с привлечением «цифровых технологий», однако данная формулировка не обладает должной точностью и может расширять трактовку этой правовой категории, влекя за собой потенциальные трудности в правоприменительной практике. В частности, смарт-контракты функционируют исключительно внутри децентрализованных распределенных реестров, таких как блокчейн, в то время как понятие «цифровые технологии» может охватывать и другие аспекты, включая электронные подписи в электронном документообороте. Это недоразумение требует более точного юридического определения и дифференциации смарт-контрактов в правовом поле, что позволит избежать смешения их с другими цифровыми юридическими инструментами и обеспечит более четкое и однозначное регулирование.

Изучение юридических аспектов формирования, исполнения, модификации и расторжения смарт-контрактов подчеркивает, с одной стороны, эволюцию договорного права на фоне ускоренного прогресса технологических инноваций. С другой стороны, указанный прогресс порождает опасения среди части общества, склонной к скепсису по отношению к нововведениям [7]. Эта осторожность может стать барьером на пути эффективной интеграции новых технологий и способствовать возникновению избыточного регулирования и ограничений, что негативно сказывается на динамике цифровизации экономических процессов.

Однако уже сегодня можно констатировать, что опыт применения смарт-контрактов предоставляет основания для переосмысления классических принципов договорного и обязательственного права. Это отражает переход к более гибким и адаптированным к современным условиям правовым формам, способным обеспечить эффективное взаимодействие сторон с учетом возможностей автоматизированного исполнения обязательств в рамках блокчейн-технологий. Такая трансформация направлена на создание условий для комплексного развития цифровой экономики, предусматривая возможность адаптации правовой системы к новым реалиям информационной эпохи.

Список источников

1. Пилькевич С.В., Ковальчук В.С. К вопросу о безопасности технологии "смарт-контракт" // Методы и технические средства обеспечения безопасности информации. 2022. № 31. С. 128 – 130.
2. Симатова Е.Л. Перспективы развития правового регулирования смарт-контрактов // Российское правосудие. 2022. № S1. С. 139 – 146. DOI 10.37399/issn2072-909X.2022.SI.139-146
3. Евдокимов И.И. Перспективы развития синдицированного кредитования в связи с использованием смарт-контрактов и блокчейна // Научный аспект. 2022. Т. 5. № 3. С. 520 – 523.
4. Лисица В.Н., Зайнутдинова Е.В. Цифровые права и их использование в смарт-контракте // Юридическая наука и практика. 2022. Т. 18. № 1. С. 29 – 38.
5. Буравов И.С. Проблемы квалификации преступлений в сфере разработки и применения смарт-контрактов // Вопросы российской юстиции. 2023. № 26. С. 329 – 336.
6. Черняев А.М. Перспективы использования смарт-контрактов в производственной деятельности уголовно-исполнительной системы // Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика. 2021. № 4 (30). С. 43 – 45.
7. Боброва М.В. Недействительность смарт-контрактов // Право цифровой среды: монография / Под ред. Т.П. Подшивалова, Е.В. Титовой, Е.А. Громовой. Москва: Общество с ограниченной ответственностью "Проспект", 2022. С. 464 – 470.
8. Пулатов А. Правовая природа и уникальность продуктов, созданных на основе технологий блокчейн (криптовалюта, токен, смарт-контракт) // Теоретические аспекты юриспруденции и вопросы правоприменения : Сборник статей по материалам LXXI международной научно-практической конференции, Москва, 02 мая 2023 года. Т. 5 (71). Москва: Общество с ограниченной ответственностью "Интернаука", 2023. С. 88 – 97.
9. Ильюшин Д.Д. Особенности правового регулирования использования смарт-контрактов, цифровых контрактов, автоматизированного исполнения договорных обязательств и блокчейн-сделок // Актуальные проблемы частного права: Сборник материалов Международной научно-практической студенческой конференции памяти доцента С.В. Николюкина, Москва, 10 декабря 2021 года. Москва: Российский государственный университет правосудия, 2022. С. 413 – 419.
10. Zainutdinova E.V. Legal Issues of Smart Contracts in Contract Law // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. 2021. Vol. 14. № 11. P. 1626 – 1634.

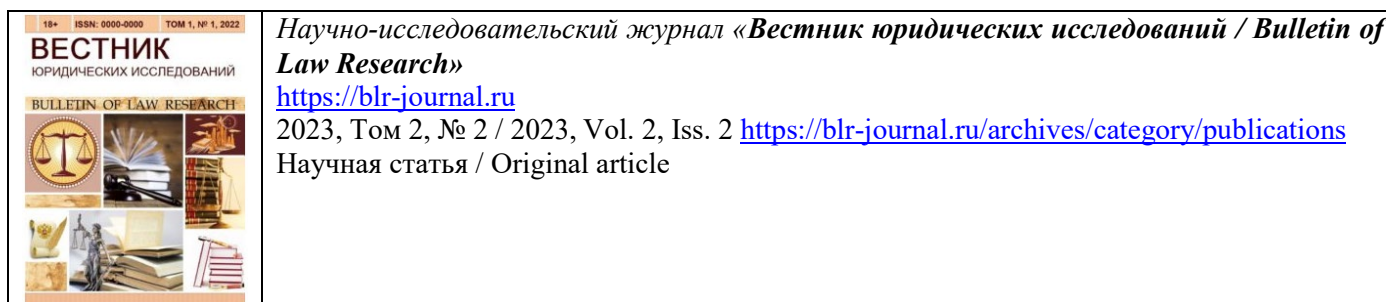
References

1. Pilkevich S.V., Kovalchuk V.S. On the issue of security of the smart contract technology. Methods and technical means of ensuring information security. 2022. No. 31. P. 128 – 130.
2. Simatova E.L. Prospects for the development of legal regulation of smart contracts. Russian justice. 2022. No. S1. P. 139 – 146. DOI 10.37399/issn2072-909X.2022.SI.139-146
3. Evdokimov I.I. Prospects for the development of syndicated lending in connection with the use of smart contracts and blockchain. Scientific aspect. 2022. T. 5. No. 3. P. 520 – 523.
4. Lisitsa V.N., Zainutdinova E.V. Digital rights and their use in a smart contract. Legal science and practice. 2022. T. 18. No. 1. P. 29 – 38.
5. Buravov I.S. Problems of qualification of crimes in the development and application of smart contracts. Issues of Russian justice. 2023. No. 26. P. 329 – 336.
6. Chernyaev A.M. Prospects for the use of smart contracts in the production activities of the penal system. Penitentiary law: legal theory and law enforcement practice. 2021. No. 4 (30). P. 43 – 45.
7. Bobrova M.V. Invalidity of smart contracts. Digital Environment Law: monograph. Ed. T.P. Podshivalova, E.V. Titova, E.A. Thunderous. Moscow: Limited Liability Company "Prospect", 2022. P. 464 – 470.
8. Pulatov A. Legal nature and uniqueness of products created on the basis of blockchain technologies (cryptocurrency, token, smart contract). Theoretical aspects of jurisprudence and issues of law enforcement: Collection of articles based on the materials of the LXXI international scientific and practical conference, Moscow, 02 May 2023. T. 5 (71). Moscow: Limited Liability Company "Internauka", 2023. P. 88 – 97.
9. Ilyushin D.D.D. Features of legal regulation of the use of smart contracts, digital contracts, automated execution of contractual obligations and blockchain transactions. Current problems of private law: Collection of materials of the International Scientific and Practical Student Conference in memory of Associate Professor S.V. Nikol'yukina, Moscow, December 10, 2021. Moscow: Russian State University of Justice, 2022. P. 413 – 419.
10. Zainutdinova E.V. Legal Issues of Smart Contracts in Contract Law. Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. 2021. Vol. 14. No. 11. P. 1626 – 1634.

Информация об авторе

Балашов К.Г., Юго-Западный государственный университет

© Балашов К.Г., 2023

О некоторых аспектах развития процессуальных парадигм в Российской Федерации

¹ Масуфранова Е.А., ¹ Дубровский Н.С., ¹ Балашов К.Г., ¹ Макеева И.О.,

¹ Юго-Западный государственный университет

Аннотация: в данной статье авторами анализируется генезис процессуального законодательства Российской Федерации. Целью данного исследования является выявление тождественных положений в гражданском процессуальном законодательстве, арбитражном процессуальном законодательстве, административном процессуальном законодательстве, уголовно-процессуальном законодательстве, а также конституционно-процессуальном законодательстве. Для достижения поставленной цели были выполнены следующие задачи: 1) проанализированы общие положения всех процессуальных законов, с акцентированием внимания на принципах; 2) рассмотрена историческая цепочка разработки, принятия и внедрения процессуальных законов в правоприменительную практику Российской Федерации; 3) проанализирован опыт применения процессуальных законов в некоторых зарубежных странах. По результатам исследования было установлено, что все процессуальные отрасли права можно отнести к смежным отраслям права из-за схожести в основных характеристиках. Предметом регулирования различных отраслей процессуального права являются различные виды процессов, такие как гражданский, арбитражный, административный и уголовный. Метод регулирования является общим – это императивно-диспозитивный метод. Императивность проявляется в силу присутствия суда, который является обязательным субъектом в гражданских, арбитражных и административных процессуальных отношениях. Диспозитивность же выражается в равноправии сторон спора, их правах и обязанностях в судебном процессе. Независимо от того, что в материальных отраслях права стороны могут находиться в отношениях власти и подчинения, в процессе они равны. Несмотря на это итоги исследования позволяют сказать о том, что несмотря на наличие схожих характеристик, процессуальные отрасли права будут сохранять свои отличия, что в конечном счете свидетельствует о их самостоятельности.

Ключевые слова: процессуальное законодательство, унификация, гражданский процесс, арбитражный процесс, уголовный процесс, административный процесс, Конституция

Для цитирования: Масуфранова Е.А., Дубровский Н.С., Балашов К.Г., Макеева И.О. О некоторых аспектах развития процессуальных парадигм в Российской Федерации // Вестник юридических исследований. 2023. Том 2. № 2. С. 13 – 22.

Поступила в редакцию: 24 марта 2023 г.; Одобрена после рецензирования: 26 мая 2023 г.; Принята к публикации: 27 июня 2023 г.

On some aspects of the development of procedural paradigms in the Russian Federation

¹ Masufranova E.A., ¹ Dubrovsky N.S., ¹ Balashov K.G., ¹ Makeeva I.O.,

¹ Southwest State University

Abstract: in this article, the authors analyze the genesis of the procedural legislation of the Russian Federation. The purpose of this study is to identify identical legal principles in civil procedural legislation, arbitration procedural legislation, administrative procedural legislation, criminal procedural legislation, as well as constitutional procedural legislation. To achieve this goal, the following tasks were completed: 1) the general provisions of all procedural laws are analyzed, with an emphasis on the principles; 2) the historical chain of development, adoption and implementation of procedural laws in the law enforcement practice of the Russian Federation is considered; 3) the experience of applying procedural laws in some foreign countries is analyzed. According to the results of the study, it was found that all procedural branches of law can be attributed to related branches of law due to the similarity in the main characteristics. The subject of regulation of various branches of procedural law are various types of processes, such as civil, arbitration, administrative and criminal. The regulation method is common - it is an imperative-dispositive method. The imperative is manifested by the presence of the court, which is a mandatory subject in civil, arbitration and administrative procedural relations. Dispositivity is expressed in the equality of the parties to the dispute, their rights and obligations in the judicial process. Regardless of the fact that in the material branches of law, the parties may be in a relationship of power and subordination, they are equal in the process. Despite this, the results of the study suggest that despite the presence of similar characteristics, the procedural branches of law will retain their differences, which ultimately indicates their independence.

Keywords: procedural legislation, unification, civil procedure, arbitration process, criminal process, administrative process, Constitution

For citation: Masufranova E.A., Dubrovsky N.S., Balashov K.G., Makeeva I.O. On some aspects of the development of procedural paradigms in the Russian Federation. Bulletin of Law Research. 2023. 2 (2). P. 13 – 22.

The article was submitted: March 24, 2023; Approved after reviewing: May 26, 2023; Accepted for publication: June 27, 2023.

В истории России на протяжении длительного времени была единая процессуальная парадигма для таких процессуальных отраслей права, как уголовный и гражданский процессы. Позднее в силу динамичности и демократизации права произошло разделение на два типа процессов – гражданский и уголовный. Вторая половина XIX века отмечена Судебной реформой, которая радикально изменила систему судопроизводства в России, сделав его конкурентным и с независимым судом. В конце XX века возникла совершенно новая и социально-экономически значимая процессуальная область права – арбитражное процессуальное право: в 1992 году был принят первый Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации [1].

В век информации началось формирование необходимого для демократического правового государства административного процессуального права: в 2015 году был принят Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации. В настоящее время существуют четыре процессуальные области права: гражданское, уголовное, арбитражное и административное процессуальное право, хотя статья страницы Конституции Российской Федерации говорит о пяти формах судопроизводства: правосудие осуществляется «посредством конституционного, гражданского, арбитражного, административного и уголовного судопроизводства». Из перечисленных форм судопроизводства только конституционное регулируется Федеральным конституционным законом от 21 июля 1994 года № 1-ФКЗ "О Конституционном Суде Российской Федерации", который по сути своей является одновременно и процессуальным нормативным правовым актом, и материальным нормативным правовым актом [2].

Стоит отметить, что длительный период времени в юридической науке осуществлялось выделение цивилистического процесса как объединяющего гражданский и арбитражный процессы. Однако в настоящее время, после внесения изменений в статью 118 Конституции Российской Федерации, выделение цивилистического судопроизводства утрачивает свою актуальность и принимает статус архаизма, который может быть рассмотрен исключительно с доктринальных позиций в целях достижения тех или иных научных целей [3].

Сказанное указывает на наличие различных отраслей процессуального права. Однако на данный момент времени в ученом сообществе единодушно отмечается, что существует и тенденция к унификации этих отраслей, что обусловлено объективными причинами и планомерным развитием правовой системы Российской Федерации в русле общемировых правовых тенденций.

Все разделы процессуального права имеют схожие основные характеристики и могут рассматриваться как взаимосвязанные. Различные виды процессов – гражданский, арбитражный, административный и уголовный – подпадают под регулирование различных разделов процессуального права. Общим методом их регулирования служит императивно-диспозитивный метод, где участие суда является обязательным элементом в гражданских, арбитражных и административных процессуальных отношениях [4]. Диспозитивность метода проявляется через обеспечение равноправия сторон в судебном процессе, где, несмотря на различия в материальных отношениях, стороны считаются равноправными.

Анализ ныне существующих правовых положений позволяет констатировать наличие общих принципов работы судов. Совокупность данных принципов, ко всему прочему, применима к различным отраслям права.

Целесообразным будет выделить основополагающие конституционные принципы, к которым относятся: 1) принцип отправления правосудия исключительно судебной властью; 2) принцип независимости судебной власти; 3) принцип подчинения судебной власти исключительно только букве закона, то есть Конституции и федеральным законам; 4) принцип открытости судебного процесса; 5) принцип состязательности и равноправной конфронтации сторон; 6) принцип равенства всех участвующих в судебном процессе субъектов перед законом и судом.

Помимо вышеприведенных принципов, существуют и другие межотраслевые принципы, наличие которых не связывается с прямым упоминанием в тексте Конституции, однако закрепление их предполагается в соответствующих регулирующих процессуальных и материальных нормативных правовых актах. Среди таких принципов можно выделить принцип использования государственного языка в судебных процессах, в силу которого законом устанавливается обязанность сторон в определенных инстанциях использовать только государственный язык Российской Федерации [5]. Также следует выделить принцип коллегиального разумности времени рассмотрения дел в судах, из которого следует, что государство нацелено на достижение правосудия в максимально короткие сроки, которые строго очерчиваются для работников сферы правосудия. Помимо этого, также, существуют принципы коллегиального рассмотрения, непосредственности и некоторые другие, в том числе доктринальные принципы.

Невооруженным взглядом исследователя все чаще можно отметить определенную тенденцию к унификации процессуального права в области цивилистики. Тенденция к унификации раскрывается следующими аспектами.

Во многих отраслях процессуальные правовые институты и принципы имеют схожие цели, назначение и задачи. В аргументацию можно привести нормы и принципы, регламентирующие доказательственные аспекты судопроизводства, а также нормы и принципы, регламентирующие формирование и распределение судебных расходов [6]. Также свою схожесть во многом демонстрируют аспекты подведомственности и пересмотра решений по новым и вновь открывшимся обстоятельствам. Причем выделенные тенденции характерны и для гражданского, и для арбитражного, и для административного процессов.

Также следует выделить унификацию и универсализацию усеченного судебного производства в различных отраслях права. Как известно, в гражданском процессе наличествует упрощенное производство, в арбитражном же – приказное производство, а в административном процессе также имеет место быть производство в усеченном варианте, то есть производство о вынесении судебного приказа.

Немаловажным видится отметить склонность федерального законодателя принимать и внедрять новые положения синхронно в совокупность отраслей права. Так, например, во все существующие процессуальные акты были одновременно включены положения, касающиеся электронификации доказательств и пересмотра судебных постановлений по новым или вновь открывшимся обстоятельствам. Более того, ярким моментом может служить и то обстоятельство, что все существующие процессуальные акты имплементи-

ровали в себя правовые возможности ускорения рассмотрения судебного дела, а также некоторые другие возможности, касающиеся получения компенсации за несвоевременное осуществление правосудия и т.д.

Можно отметить, что также происходит унификация судоустройства в арбитражно-судебной системе, поскольку есть отдельные апелляционные и кассационные суды [7]. В настоящее время уже активно функционируют апелляционные и кассационные суды общей юрисдикции, которые имеют компетенцию по нескольким субъектам Российской Федерации (аналогично арбитражным судам).

В 2015 году было принято решение о разработке единого Гражданского процессуального кодекса и была создана рабочая группа с этой целью. Основной целью унификации процессуального права является устранение противоречий между гражданским и арбитражным процессуальным правом, установление новых правил разрешения спорных правовых вопросов, распространение успешных элементов АПК и ГПК на всю гражданскую сферу, укрепление альтернативных методов разрешения споров, сохранение существующих форм упрощенного производства, особенностей рассмотрения определенных категорий дел, выявление основных проблем, требующих решения, и исправление недостатков в процедурах, с учетом важных международных обязательств России.

Также стоит отметить основные направления, предусмотренные Концепцией единого ГПК, которые частично отражены в Федеральном законе N 451-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации", принятом 28 ноября 2018 года [8]. Во-первых, произошли изменения в определении "подведомственности" в процессуальном законодательстве, где теперь используется термин "компетенция". Это позволяет передавать дела в другой суд не только на основе подсудности, но и в зависимости от компетенции суда. Во-вторых, произошли изменения в основаниях отказа в принятии искового заявления и прекращении производства по делу. Теперь судья может отказать в принятии искового заявления, если оно должно рассматриваться в конституционном или уголовном порядке, либо не подлежит рассмотрению в суде. Эти основания также могут быть основанием для прекращения производства по делу. В-третьих, введение специальной нормы о возможности передачи дел в другой суд с учетом его компетенции способствует более быстрому восстановлению нарушенных прав граждан, обращающихся в суд. Кроме того, планируется разработка единой процедуры рассмотрения дел. В-четвертых, важно отметить отличие в рассмотрении дел об административных правонарушениях. Арбитражные суды рассматривают такие дела в соответствии с правилами АПК, в то время как суды общей юрисдикции - по правилам КоАП. Раньше суды общей юрисдикции также рассматривали эти дела по процедуре, установленной ГПК. Однако, несмотря на принятие КАС, до сих пор не существует единого административного процессуального кодекса для судов общей юрисдикции и арбитражных судов. В настоящее время актуальны два кодекса – КАС и КоАП – для рассмотрения дел по административно-правовым публичным правоотношениям судами общей юрисдикции. Это означает, что КАС не регулирует порядок привлечения лиц к административной ответственности судами общей юрисдикции, что, в свою очередь, позволяет КоАП не решать ряд вопросов в сфере публичных дел. В результате продолжают существовать противоречия в нормативном регулировании рассмотрения одних и тех же дел судами общей юрисдикции и арбитражными судами, последние применяют АПК.

В соответствии со статьей 71 Конституции Российской Федерации, процессуальное право является исключительной компетенцией федерального государства, тогда как административное право может регулироваться законодательством субъектов Российской Федерации. Судебная система функционирует в рамках процессуальной формы, что делает ее отличной от других органов правопорядка, включая административные органы. Однако, касательно правовых норм, связанных с рассмотрением дел об административных правонарушениях, Кодекс об административных правонарушениях предусматривает использование единой процедуры как судами, так и другими органами и должностными лицами.

В процессуальной науке и философско-правовых кругах всегда считалось, что судебная форма защиты нарушенных прав является наиболее гарантированной, поскольку она основана на особой процессуальной форме, которая отделяет работу судов от работы других органов и организаций. Установление единой процедуры для рассмотрения дел об административных правонарушениях как судами, так и другими органами и должностными лицами не соответствует принципу разделения властей.

Характеристики процессуальной формы включают:

1) Законодательную регламентацию, согласно пункту "о" статьи 71 Конституции Российской Федерации, процессуальное законодательство принадлежит Российской Федерации.

2) Детальное описание процессуальной формы, которое определяет, как дела рассматриваются в суде: последовательность действий, которые суд и другие участники процесса должны совершить, а также содержание этих действий и процессуальных документов.

3) Универсальность процессуальной формы, которая может применяться к любой категории и на любой стадии процесса.

4) Обязательность процессуальной формы, где установленный законом порядок рассмотрения дел обязателен для всех – для судов, других участников процесса, даже для присутствующих в зале судебного заседания. Нарушение установленного порядка может повлечь различные нежелательные последствия: отмену судебного решения, наложение штрафа на нарушителя порядка и т.д.

Далее необходимо подробнее изучить происхождение системы упрощенного судопроизводства. В российском процессе появились определенные особенности структурного характера: сложные дела рассматриваются в ординарной процедуре (включающей исковое производство или производство по делам из публичных правоотношений), для бесспорных дел было введено приказное производство, а для дел с незначительной суммой требования и несложных дел – упрощенное производство. В гражданском процессе также используется заочное производство, которое представляет процессуальную меру в случае, когда ответчик без уважительных причин не является на судебное заседание.

Консультативный совет европейских судей Совета Европы отмечает, что некоторые аспекты ведения дел, включая специальные процедуры, определены необходимостью быстрого рассмотрения, отсутствием спора и требований малой суммы. Одним из таких вопросов является суммарное или сокращенное производство. Суммарное производство представляет собой упрощенную или ускоренную процедуру рассмотрения дел с вынесением промежуточного решения [8]. В российском контексте такими промежуточными ре-

шениями могут быть судебный приказ и заочное решение, которые могут быть отменены судьей, принявшим их, в соответствии с установленными законом положениями.

После принятия Федерального закона N 451-ФЗ возник вопрос о том, нужно ли составлять только резолютивную часть решений в упрощенном производстве, что заинтересовало академическое сообщество. В настоящее время суды составляют мотивированные решения по запросу сторон или при подаче апелляционной жалобы. Однако, статистика показывает, что лишь в небольшом количестве дел требуется мотивировочная часть, большинству достаточно только факта разрешения дела, то есть наличия резолютивной части. В связи с высокой нагрузкой в судах, более широкое применение упрощенного производства и правило о приемлемости резолютивной формы решения могут решить проблему. Крупные арбитражные суды имеют значительное напряжение и огромный документальный объем, рассматривая каждый месяц практически до 300 дел⁹. В обычной процедуре каждое дело требует как минимум двух судебных заседаний (предварительное и основное). Кроме того, рассмотрение множества ходатайств, заявлений и вопросов исполнения судебных актов также требует проведения судебных заседаний. Выявление таких проблем является важным для разрешения проблем, потому что это касается не только судебных учреждений, но и лиц, обращающихся в суд в защиту своих прав.

Чтобы обеспечить большую конкуренцию в судебных процедурах, было предложено унифицировать гражданское и арбитражное производства. В гражданском процессе, например, предполагается введение обязательного предоставления доказательств. До введения в действие Федерального закона N 451-ФЗ, истцы по общим делам не были обязаны направлять копии исков с приложенными документами другим участникам дела – такую функцию выполнял суд. Основные изменения также коснулись арбитражного процесса, включая ограничения по возможности ссылаться на новые доказательства в апелляционной жалобе (статья 322 ГПК) и другие изменения [9].

Одним из важных изменений стало распространение на все типы процессов возможности предоставления исковых заявлений и административных исковых заявлений через заполнение специальной формы, доступной на официальном сайте суда и подписанной электронной подписью. Эти изменения и новации отражают стремление государства создать систему полного доступа граждан и организаций к судебной системе, что соответствует международным тенденциям и принципам правового государства.

Новые изменения в законодательстве относятся к процедуре судебного извещения. Теперь получение первого судебного извещения или акта предполагает получение информации по почте или через электронную почту (ссылки на соответствующие статьи в законодательстве РФ приведены) [10]. Суд также может публиковать информацию о судебных заседаниях и процессуальных действиях на своем официальном сайте, за исключением определенных случаев, когда уведомления должны быть отправлены на бумажном носителе.

Один из основных направлений работы судов в последние годы – усиление альтернативных методов разрешения споров, таких как медиация и досудебные процедуры. Однако количество дел, завершаемых мировыми соглашениями, и количество медиативных соглашений оказалось невелико. В связи с этим Вер-

ховный Суд РФ ввел институт судебного примирения, позволяя назначать в качестве судебных примирителей судей, находящихся на пенсии и утвержденных Пленумом Верховного Суда РФ.

Также рекомендуется обратить внимание на то, что современное процессуальное право предусматривает две кассационные инстанции для пересмотра окончательных юридических актов. В первой инстанции участвуют окружные арбитражные суды и кассационные суды общей юрисдикции, в то время как во второй инстанции участвуют соответствующие коллегии Верховного Суда РФ. В кассационных судах общей юрисдикции имеют значение следующие особенности:

- полная кассация (часть 1 статьи 376 ГПК): все кассационные жалобы рассматриваются, не происходит отбора жалоб для передачи на рассмотрение;

- последовательность кассационного обжалования: кассационное обжалование разрешается только после исчерпания других способов обжалования (подпункт 2 части 1 статьи 376 ГПК);

- пределы пересмотра юридических актов в кассационных судах ограничиваются проверкой законности в рамках аргументации (статья 379.6 ГПК). В определенных случаях кассационная инстанция может выходить за пределы заявленных требований. Процедура кассационного пересмотра в судах общей юрисдикции стала очень похожа на модель арбитражного процессуального обжалования, за исключением того, что в общей юрисдикции судья-докладчик представляет основные факты дела (часть 6 статьи 379.5 ГПК).

Подводя итог, стоит отметить, что несмотря на наличие схожих характеристик, процессуальные отрасли права будут сохранять свои отличия, что в конечном счете свидетельствует о их самостоятельности. Помимо вышеупомянутых крупных проблем развития процессуального права существует еще множество других, требующих своего решения. Однако унификация не вызвана только потребностью создания единого процессуального кодекса. Скорее, унификация является результатом сходства предмета и метода регулирования всех отраслей процессуального права.

Список источников

1. Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 N 1-ФКЗ (ред. от 31.07.2023) «О Конституционном Суде Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

2. Максин Д.А. Историческое развитие уголовно-процессуального законодательства и возникновение первых уголовно-процессуальных актов в России // Молодой ученый. 2021. № 3 (345). С. 187 – 191.

3. Потапенко Е.Г. Оптимизация гражданского процессуального законодательства в направлении обеспечения баланса специализации и унификации процессуального права // Вестник гражданского процесса. 2021. Т. 11. № 3. С. 70 – 108.

4. Воронов, А. Ф. Влияние конституционной реформы 2020 года на цивилистическое процессуальное законодательство и процессуальную доктрину // Тамбовские правовые чтения имени Ф.Н. Плевако: материалы v международной научно-практической конференции: в 2 т., Тамбов, 28-29 мая 2021 года. Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2021. Т. 1. С. 319 – 321.

5. Каримова А.Н. Принцип процессуальной экономии в свете новых изменений в гражданском процессуальном законодательстве // Юридический процесс в России: Сборник материалов Всероссийской межвузовской студенческой научно-практической конференции, Нижний Новгород, 29 ноября 2019 года. Нижний Новгород: Общество с ограниченной ответственностью Издательство "Автор", 2021. С. 536 – 538.

6. Зотова И.А. Особенности административно-процессуального статуса потерпевшего в административно- процессуальном законодательстве России // Человек: преступление и наказание: Сборник материалов Международной научно-теоретической конференции адъюнктов, аспирантов, соискателей, курсантов и студентов, Рязань, 25 марта 2022 года. Рязань: Академия ФСИН России, 2022. С. 145 – 150.

7. Плотников Д.А. Структура отрасли гражданского процессуального права и гражданского процессуального законодательства: вопросы соотношения // Гражданское право, гражданское и административное судопроизводство: актуальные вопросы теории и практики: Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции, Хабаровск, 30 апреля 2021 года / Под ред. Н.В. Корниловой. Хабаровск: Тихоокеанский государственный университет, 2021. С. 97 – 105.

8. Дубровский Н.С., Макеева И.О., Клевцов И.А. Проблемные аспекты административного судопроизводства в Российской Федерации // Институты и механизмы инновационного развития: мировой опыт и российская практика: Сборник статей 13-й Международной научно-практической конференции, Курск, 26 октября 2023 года. Курск: Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, ЗАО «Университетская книга», 2023. С. 229 – 231.

9. Максина С.В., Новикова И.Ф. Новеллы гражданского процессуального законодательства Российской Федерации // Информация-Коммуникация-Общество. 2020. Т. 1. С. 131 – 137.

10. Мартыненко И.Э. Предметная компетенция проверочных инстанций судов общей юрисдикции: перспективы гармонизации судостроительного и хозяйственного (арбитражного) процессуального законодательства // Современные тенденции развития гражданского и гражданского процессуального законодательства и практики его применения. 2020. № 6. С. 226 – 233.

References

1. Federal Constitutional Law of July 21, 1994 N 1-FKZ (as amended on July 31, 2023) “On the Constitutional Court of the Russian Federation”. SPS “ConsultantPlus”.

2. Maxin D.A. Historical development of criminal procedural legislation and the emergence of the first criminal procedural acts in Russia. Young scientist. 2021. No. 3 (345). P. 187 – 191.

3. Potapenko E.G. Optimization of civil procedural legislation in the direction of ensuring a balance of specialization and unification of procedural law. Bulletin of civil process. 2021. T. 11. No. 3. P. 70 – 108.

4. Voronov, A.F. The influence of the constitutional reform of 2020 on civil procedural legislation and procedural doctrine. Tambov legal readings named after F.N. Pleva-ko: materials of the 5th international scientific and practical conference: in 2 volumes, Tambov, May 28-29, 2021. Tambov: Derzhavinsky Publishing House, 2021. T. 1. P. 319 – 321.

5. Karimova A.N. The principle of procedural economy in the light of new changes in civil procedural legislation. Legal process in Russia: Collection of materials of the All-Russian interuniversity student scientific and practical conference, Nizhny Novgorod, November 29, 2019. Nizhny Novgorod: Limited Liability Company Publishing House "Avtor", 2021. P. 536 – 538.

6. Zotova I.A. Features of the administrative-procedural status of the victim in the administrative-procedural legislation of Russia. Man: crime and punishment: Collection of materials of the International scientific and theoretical conference of adjuncts, graduate students, applicants, cadets and students, Ryazan, March 25, 2022. Ryazan: Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2022. P. 145 – 150.

7. Plotnikov D.A. Structure of the branch of civil procedural law and civil procedural legislation: issues of correlation. Civil law, civil and administrative proceedings: current issues of theory and practice: Materials of the VI All-Russian Scientific and Practical Conference, Khabarovsk, April 30, 2021. Ed. N.V. Kornilova. Khabarovsk: Pacific State University, 2021. P. 97 – 105.

8. Dubrovsky N.S., Makeeva I.O., Klevtsov I.A. Problematic aspects of administrative proceedings in the Russian Federation. Institutions and mechanisms of innovative development: world experience and Russian practice: Collection of articles of the 13th International Scientific and Practical Conference, Kursk, October 26, 2023. Kursk: Financial University under the Government of the Russian Federation, ZAO "University Book", 2023. P. 229 – 231.

9. Maksina S.V., Novikova I.F. Novels of civil procedural legislation of the Russian Federation. Information-Communication-Society. 2020. T. 1. P. 131 – 137.

10. Martynenko I.E. Subject competence of inspection instances of courts of general jurisdiction: prospects for harmonization of judicial and economic (arbitration) procedural legislation. Modern trends in the development of civil and civil procedural legislation and the practice of its application. 2020. No. 6. P. 226 – 233.

Информация об авторах

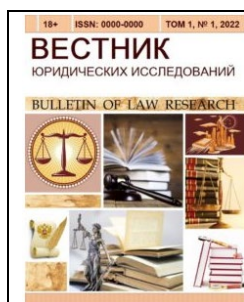
Масуфранова Е.А., кандидат исторических наук, доцент, Юго-Западный государственный университет

Дубровский Н.С., Юго-Западный государственный университет

Балашов К.Г., Юго-Западный государственный университет

Макеева И.О., Юго-Западный государственный университет

© Масуфранова Е.А., Дубровский Н.С., Балашов К.Г., Макеева И.О., 2023

Научно-исследовательский журнал «Вестник юридических исследований / *Bulletin of Law Research*»
<https://blr-journal.ru>
2023, Том 2, № 2 / 2023, Vol. 2, Iss. 2 <https://blr-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article

История становления российского федерализма

¹ Дубровский Н.С.,

¹ Юго-Западный государственный университет

Аннотация: в статье автором анализируются этапы становления российского федерализма. Целью данного исследования является выявление проблемных аспектов, которые не были учтены властями того времени, а в дальнейшем привели к неисправимым последствиям – распаду Советского Союза. Для достижения поставленной цели, автор перед собой поставил следующие задачи:

- проанализировать мнения различных выдающихся историков-правоведов современности в области конституционного права;
- рассмотреть этапы становления российского федерализма;
- выявить проблемные аспекты;
- обобщить и сформулировать вывод по проделанной работе.

По результатам исследования данной темы можно сделать заключение, что распад Советского Союза был необратимым последствием, ужесточившихся реформ советского правительства.

Методология научной работы базируется на анализе различных точек зрения, а также мнения авторов по поводу становления и развития государственного устройства России, а также мнения специалистов и экспертов в данной области. В исследовании также применялись такие методы, как синтез, научно-исследовательский метод, сравнение.

В заключении следует отметить, что на основе анализа был выявлен комплект проблем советского федерализма, который в последующем привел к появлению российской государственности.

Ключевые слова: государственное устройства, история развития, российский федералист, унитарное государство, федерация

Для цитирования: Дубровский Н.С. История становления российского федерализма // Вестник юридических исследований. 2023. Том 2. № 2. С. 23 – 28.

Поступила в редакцию: 23 марта 2023 г.; Одобрена после рецензирования: 25 мая 2023 г.; Принята к публикации: 27 июня 2023 г.

The history of the formation of Russian federalism

¹ Dubrovsky N.S.,

¹ Southwestern State University

Abstract: in the article, the author analyzes the stages of the formation of Russian federalism. The purpose of this study is to identify problematic aspects that were not taken into account by the authorities of that time, and later led to irreparable consequences – the collapse of the Soviet Union. To achieve this goal, the author has set himself the following tasks:

- to analyze the opinions of various prominent legal historians of our time in the field of constitutional law;
- to consider the stages of the formation of Russian federalism;
- identify problematic aspects;
- summarize and formulate a conclusion on the work done.

Based on the results of the research on this topic, it can be concluded that the collapse of the Soviet Union was an irreversible consequence of the toughened reforms of the Soviet government.

The methodology of the scientific work is based on the analysis of various points of view, as well as the opinions of the authors on the formation and development of the Russian state structure, as well as the opinions of specialists and experts in this field. The research also used methods such as synthesis, scientific research method, and comparison.

In conclusion, it should be noted that based on the analysis, a set of problems of Soviet federalism was identified, which subsequently led to the emergence of Russian statehood.

Keywords: state structure, history of development, Russian federalist, unitary state, federation

For citation: Dubrovsky N.S. The history of the formation of Russian federalism. Bulletin of Law Research. 2023. 2 (2). P. 23 – 28.

The article was submitted: March 23, 2023; Approved after reviewing: May 25, 2023; Accepted for publication: June 27, 2023.

Прочитав первую статью Конституции РФ, мы можем сделать вывод, что Россия является многонациональным государством. На территории нашей страны проживает более 190 различных народностей. К этому числу относятся коренные малые, а также автономные народности. Численность которых порой не может превысить и сотни человек. Но наряду с этим в РФ проживают народы, которые составляют тысячи людей. Учитывая данные обстоятельства нужно было построить такое государство, где каждый народ будет чувствовать себя особенным, иметь власть на территории, которой проживает, быть на равне с остальными. Для построения такого государства перед властями была поставлена такая цель, как: урегулирование отношений между центром и субъектами, через разграничение предметов ведения между федерацией и ее составными частями, а также установить правовой статус каждого отдельно взятого субъекта. Следует отметить, что по мнению многих ученых историков и правоведов в мире существует два вида государственных

ного устройства. Унитарное государство и федерация. Унитарное государство (от лат. *unitas* «единство») — это форма государственного устройства, при которой государство не имеет в своём составе каких-либо государственных образований, обладающих элементами суверенности, а составляющие его административно-территориальные единицы (области, края, районы, губернии и тому подобное) подчиняются единым центральным органам власти.

Федеративное государство – это форма государственного устройства, при которой части государства являются государственными образованиями, обладающими юридически определённой политической самостоятельностью в рамках федерации.

Наша страна по территориальному устройству является федерацией. Остановимся подробнее на становлении федерализма в России. Следует отметить, что Россия не всегда являлась федерацией. До одержания победы в ходе вспыхнувшей Октябрьской Революции, Российская Империя по праву считалась унитарной державой.

На III Всероссийском Съезде рабочих, солдатских и крестьянских депутатов в январе 1918 г. была принята Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа, после принятия которой Россия была провозглашена федерацией [1]. На основе этого новый статус присвоился не только России, но и всей бывшей Российской Империи, вследствие чего образовалось СССР [2]. У российских властей того времени было стремление, создать добровольный, свободный и прочный союз трудящихся всех проживающих наций, которые населяли Россию в тот момент. Сразу после того, как Россия стала федерацией началось стремительное формирование ее составных частей. В 1917 году субъекты наполняющие союз имели неопровержимое право свободного самоопределения, которым воспользовались такие государства, как Финляндия и страны Прибалтики, которые провозгласили себя независимыми государствами. А также свою независимость объявили Украина, Белоруссия, Туркестан и закавказские республики, подписавшие договорные отношения с Российской Федерацией [3]. Уже в этот период стремительно стал развиваться процесс разграничения и деления народов на республики, области по национальному и географическому признаку принадлежности.

После принятия Конституции 1918 года в РСФСР закрепился один из основополагающих принципов того времени, федеративной организации государственного единства. Подробно, данная норма закрепились в статье 11, которая демонстрирует нам, что «Советы областей, отличающихся особым бытом и национальным составом, могут объединиться в автономные областные союзы, во главе которых, как и во главе всяких, могущих быть образованными областных объединений вообще, стоят областные съезды Советов и их исполнительные органы» [4]. К этому времени большая часть народностей, населявших СССР завершила свое формирование по своим национальным особенностям. После чего страна перешла на новый этап строительства СССР. Уже к 1923 году в составе РСФСР числилось 11 автономных республик, 14 автономных областей и 63 губернии и области. После описанных событий страна перешла на новый этап построения «идеального» государства. Данная модель развития сильно отличалась от ее предшественника, Россия на тот момент был совершенно другим федеративным государством, так как она состояла из абсолютно равных субъектов. Которые в любой момент могли выйти из ее состава. В те времена высшей единицей автономности являлась автономная республика. Они практически ничем не отличались от конструкции рес-

публики, которые существуют в настоящее время в России. Как и сейчас, она носила статус отдельного государства со своим механизмом управления внутренними делами, а также имела свою собственную конституцию, которая была на равне с основной конституцией Союза. Но следует отметить, что сегодняшние республики, как и все остальные субъекты не имеют права выхода из состава страны. Что касается краев и областей, которые находились в составе СССР, то они не имели даже статуса субъекта.

Первая Конституция Советского Союза, которая была принята в 1924 году, предусматривала новые нормы права, которые диктовали необходимость соответствия конституций республик с основным законом СССР. В связи с этим, на XII Всероссийском съезде Советов утвердили измененный текст Конституции РСФСР [5]. В Конституции 1925 года были установлены ограничения для высших органов Республики. Союзным органам были переданы определенные полномочия, такие как внешние сношения, оборона, управление транспортом и связью. Однако Российская Федерация оставалась суверенным государством в рамках Союза ССР, ее суверенитет ограничивался только вопросами, относящимися к компетенции Союза.

К принятию Конституции 1936 года российский федерализм перешел на новый этап. Россия все также оставалась федерацией по типу государственного устройства, но это было закреплено лишь юридически. По фактам же в государстве был унитаризм. Федерация была лишь прикрытием унитарных реалий. К тому времени в состав СССР входило 17 автономных республик и 6 автономных областей, а края и области все также оставались не признанными субъектами [6]. Территория росла. Так после Великой Отечественной войны 1941 года к составу СССР присоединились область Петсамо (Печенга), принадлежавшая Финляндии, г. Кёнигсберг с прилегающими к нему районами, составившие впоследствии Калининградскую область. А также были возвращены острова: Южный Сахалин и Курильские острова. К составу РСФСР были присоединены такие автономные республики, как Тувинская АССР и Карело-Финская АССР. Но помимо расширений в годы войны были ликвидированы многие автономные народности. Следует отметить, что наряду с данными государственными преобразованиями, происходили и другие важные события, которые оставили в дальнейшем важный отпечаток на истории современной России [7]. В апреле 1954 года из состава РСФСР в состав Украинской ССР была передана Крымская республика. В конституции все также за субъектами оставалось право свободного выхода из состава СССР. Каждая республика продолжала иметь свою собственную конституцию, которая была принята в соответствии с Конституцией СССР и учитывала все особенности проживающего народа. Но всех их объединяло единое советское гражданство.

К моменту принятия Конституции 1976 года в состав Советского Союза входило 16 автономных республик 5 автономных областей и 10 автономных округов. Новая конституция не вносила каких-либо коренных изменений, касающихся статуса автономных единиц, которые на тот момент входили в состав СССР. Но на самом деле в повседневной жизни люди и само государство стало отходить от конституционных канонов. Все это было обусловлено тем, что в стране стали более активно развиваться демократические идеалы, был устранен тоталитаризм, как господствующая форма политического режима в стране. Автономные республики стали стремиться к полной независимости от государства.

В 1991 году распалось СССР, это послужило новым и завершающим этапом в становлении современного российского федерализма. Первым шагом который вел к распаду союза послужила Декларация «О госу-

дарственном суверенитете Российской Советской Федеративной Социалистической Республики», принятая 12 июня 1990 г. первым Съездом народных депутатов РСФСР. Строилась новая модель Советского Союза, а будущая Российская Федерация в ней должна была провозглашаться, как суверенное государство с развитием демократического общества [8]. Но на принятии независимости лишь РСФСР все не закончилось, республика за республикой принимали декларации о своей независимости с желанием выйти из СССР. Именно это желание стать независимым, свободным и полноценным государством и послужило распаду СССР. К 1992 году РСФСР стало именоваться Российской Федерацией. Между Россией и ее субъектами был подписан Федеративный договор, который значительно расширял полномочия республик входящих в состав РФ и провозглашал их суверенными государствами, но лишил их свободного права выхода из состава страны. Признание получили также края и области, которые входили в состав страны на равне с другими субъектами. Появились города федерального значения. Договор также предусматривал разграничение предметов ведения федерального центра и субъектов [9]. Сейчас они делятся на три категории: предметы ведения исключительно Российской Федерации, совместные предметы ведения, а также предметы ведения субъектов РФ.

Конституция 1993 года закрепила за Россией 89 субъектов входящих в ее состав. Новая Конституция исходит из принципа неделимости государственного суверенитета, поэтому суверенные республики получили статус государств, которые входят в состав РФ.

Процессы, реформирования, которые протекали в Советском Союзе оставили неизгладимый след на государственном устройстве России, которое мы имеем на сегодняшний день.

Список источников

1. Козлова Е.И., Кутафин О.Е. Конституционное право России: учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности "Юриспруденция" / Министерство образования и науки Российской Федерации, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА). 5-е изд., перераб. и доп. Москва: Проспект, 2019. С. 578.
2. Георгиев Н.Г., Георгиева В.А. История России с древнейших времен до наших дней: учебное пособие. Проспект. 2021. С. 479.
3. Яценко В.В. Конституционное право: учеб. пособие / Юго-Западный гос.ун-т. Курск, 2020. С. 209.
4. Конституционное право Российской Федерации: учебник. 13-е изд., изм. и доп. Москва: Норма: Инфра-М, 2018. С. 766.
5. Конституционное право Российской Федерации: учебник для студентов высших учебных заведений / Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. 4-е изд., измененное и доп. Москва: Статут, 2017. С. 622.
6. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: учебник. 3-е издание. 2017. С. 241.
7. Каирова А.И. Федерализм: некоторые современные аспекты теории и практики // Право и государство: теория и практика. 2020. № 2 (182). С. 67 – 69.

8. Сарбаев Г.М., Зубкова Д.В., Конституционно-правовые основы Российского федерализма // Современная наука. 2021. № 5. С 7 – 11.

9. Эриашвили Н.Д. Федерализм как основа государственно-правового строительства Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 1. С. 270 – 275.

References

1. Kozlova E.I., Kutafin O.E. Constitutional Law of Russia: a textbook for students of higher educational institutions studying in the specialty "Jurisprudence". Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Moscow State Law University. O.E. Kutafina (MGYuA). 5th ed., processed and additional Moscow: Prospekt, 2019. P. 578.

2. Georgiev N.G., Georgieva V.A. History of Russia from ancient times to the present day: textbook. Avenue. 2021. P. 479.

3. Yatsenko V.V. Constitutional law: textbook. Allowance. South-Western State University Kursk, 2020. P. 209.

4. Constitutional law of the Russian Federation: textbook. 13th ed., rev. and additional Moscow: Norma: Infra-M, 2018. P. 766.

5. Constitutional law of the Russian Federation: a textbook for students of higher educational institutions. Moscow State University named after M.V. Lomonosov. 4th ed., modified and additional. Moscow: Statute, 2017. P. 622.

6. Matuzov N.I., Malko A.V. Theory of state and law: textbook. 3rd edition. 2017. P. 241.

7. Kairova A.I. Federalism: some modern aspects of theory and practice. Law and state: theory and practice. 2020. No. 2 (182). P. 67 – 69.

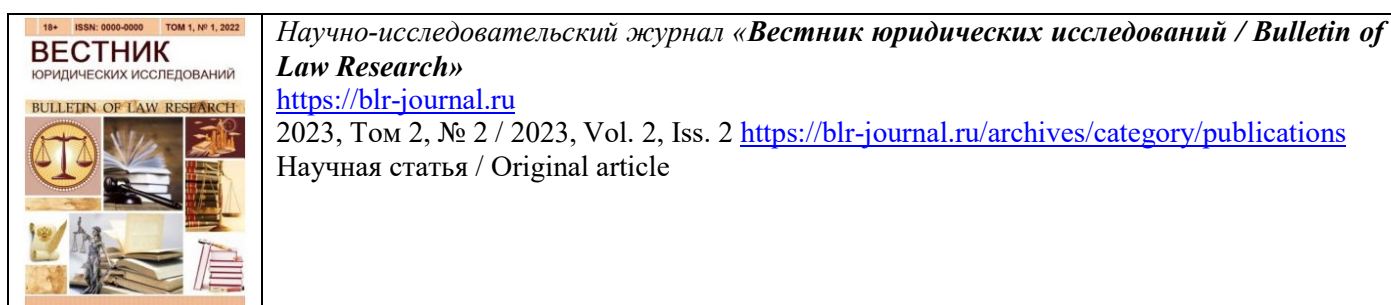
8. Sarbaev G.M., Zubkova D.V., Constitutional and legal foundations of Russian federalism. Modern science. 2021. No. 5. P. 7 – 11.

9. Eriashvili N.D. Federalism as the basis of state-legal construction of the Russian Federation. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 1. P. 270 – 275.

Информация об авторе

Дубровский Н.С., Юго-Западный государственный университет, KeIIIyCTuk@yandex.ru, 89997001805

© Дубровский Н.С., 2023

Искусственный интеллект: понятие и возможная правосубъектность

¹ Капанина Д.Н.,

¹ Юго-Западный государственный университет

Аннотация: авторами данной статьи проводится анализ возможностей и перспектив широкомасштабного внедрения систем искусственного интеллекта в существующую правоприменительную действительность. Целью данного исследования является попытка определения понятия «искусственный интеллект» с учетом имеющихся действующих правовых норм. Факультативной целью исследования также является попытка на основе имеющихся аргументов и контраргументов определить, следует ли системы искусственного интеллекта выделять в качестве субъектов права. В рамках исследования проводится анализ доктринальных точек зрения различных ученых по рассматриваемой проблематике. Для достижения поставленной цели были поставлены следующие задачи: 1) изучить имеющиеся доктринальные точки зрения различных ученых о понятии искусственного интеллекта; 2) провести анализ действующего законодательства Российской Федерации, регулирующего сферу искусственного интеллекта; 3) сформировать на основе соотношения доктрины, правоприменительной практики и правовых норм, соответствующие выводы. Сформированные по итогам работы выводы могут позитивным образом повлиять на дальнейшее перспективное регулирование сферы искусственного интеллекта.

Ключевые слова: искусственный интеллект, интеллектуальные системы, информатизация, цифровизация, глобализация

Для цитирования: Капанина Д.Н. Искусственный интеллект: понятие и возможная правосубъектность // Вестник юридических исследований. 2023. Том 2. № 2. С. 29 – 35.

Поступила в редакцию: 26 марта 2023 г.; Одобрена после рецензирования: 28 мая 2023 г.; Принята к публикации: 27 июня 2023 г.

Artificial intelligence: the concept and possible legal personality

¹ Kapanina D.N.,

¹ Southwest State University

Abstract: the authors of this article analyze the possibilities and prospects of large-scale implementation of artificial intelligence systems in the existing law enforcement reality. The purpose of this study is to try to define the concept of «artificial intelligence» taking into account the existing legal norms. An optional aim of the study is also to attempt, on the basis of existing arguments and counter-arguments, to determine whether artificial intelligence systems should be identified as subjects of law. The study analyses the doctrinal views of various scholars on the subject. In order to achieve this goal, the following tasks were set: 1) to study the existing doctrinal views of various scientists on the concept of artificial intelligence; 2) to analyze the current legislation of the Russian Federation, regulatory sphere of artificial intelligence; 3) to form on the basis of the correlation of doctrine, law enforcement practice and legal norms, relevant conclusions. The resulting conclusions can positively influence the future regulation of artificial intelligence.

Keywords: artificial intelligence, intelligent systems, informatization, digitalization, globalization

For citation: Kapanina D.N. Artificial intelligence: the concept and possible legal personality. Bulletin of Law Research. 2023. 2 (2). P. 29 – 35.

The article was submitted: March 26, 2023; Approved after reviewing: May 28, 2023; Accepted for publication: June 27, 2023.

Самой успешной и перспективной отраслью российской экономики стала сфера информационно-телекоммуникационных технологий и систем связи. Так называемый ИТ сектор за первые полгода 2023 года показал рост прибыли на уровне 80% по сравнению с тем же периодом прошлого года. Поскольку право не может быть изолировано от интенсивного развития технологий общества, то представляется целесообразным рассмотреть некоторые вопросы, возникающие с постепенным внедрением революционных информационных технологий в правоприменительную практику [1].

Бесспорно можно констатировать, что на сегодняшний день во многих современных цивилизованных странах взят курс на электронификацию правоприменительного процесса, в том числе на электронификацию сферы правосудия [2]. Данные преобразовательные процессы способны протекать в двух руслах. Во-первых, инструментальное русло предполагает применение современных информационных технологий исключительно для процессуального взаимодействия, оптимизации и примитивизации коммуникативных процессов между участниками. Во-вторых, вторым руслом можно выделить непосредственную имплементацию систем машинного обучения или искусственного интеллекта в правосудные процессы различных государств.

В действительности, необходимо отметить, что об актуальности обсуждения вопросов, связанных с внедрением искусственного интеллекта, следует обратиться к правовым положениям на международной площадке. Например, Европейская этическая хартия по вопросам использования искусственного интеллекта в судебных и смежных системах является актом, подтверждающим озабоченность международного сообщества вопросом повсеместного внедрения достижений современных технологий. Все подписавшиеся и имплементировавшие нормы данной хартии государства единодушны в том, что функционирование искусственного интеллекта должно быть построено на определенных императивных принципах.

На внутригосударственном уровне единственным на сегодняшний день базисным нормативным правовым актом позиционируется Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» [3]. В нем также выражается серьезная озабоченность вопросами развития и внедрения искусственного интеллекта во все сферы общественной жизни. Данным указом в качестве фундаментальных принципов перечисляются: безопасность, прозрачность, технологическая суверенитетность, целостность инновационного цикла, принцип разумной бережливости, принцип поддержки конкуренции.

Стоит отметить, что на страницах юридической литературы с каждым днем начинает накаляться градус дискуссий в ракурсе развития искусственного интеллекта. Учеными и практиками до сих пор предпринимаются попытки определения понятия «искусственный интеллект», а также возможности наделения его определенной правосубъектностью.

В юридической литературе все чаще можно встретить полемику в вопросе о том, как определить понятие «искусственный интеллект» в связи с проблемой его правового статуса. Одним из плацдармов дискуссии является атрибуция субъектности в качестве элемента понятия искусственного интеллекта. Некоторые авторы вполне уверенно и обоснованно ратуют за то, чтобы всерьез достичь положения присвоения искусственному интеллекту статуса субъекта права, а даже обсуждают возможность закрепления его правового статуса без теоретической обоснованности этого решения [4]. Этот вопрос не может быть игнорирован, так как он вызывает дискуссии и споры, а также способен сформировать конгломерат существенных в том числе негативных последствий не только для России, но и для всего мирового сообщества.

Авторами данной работы настойчиво поддерживается линия о том, что нет достаточных оснований для присвоения признака субъектности при определении понятия «искусственный интеллект» в юридическом контексте.

В первую очередь, самым грозным аргументом в поддержку выбранной линии может служить тот факт, что о наделении определенными правами и обязанностями технологических машин с искусственным интеллектом возможно только лишь при наличии высокой степени «разработанности» таких машин. То есть такие машины с искусственным интеллектом должны обладать так называемым «сильным искусственным интеллектом» [5]. Однако на сегодняшний день, учеными, инженерами и технологами не достигнута такая высокая планка развития технологичности и искусственный интеллект не способен в полной мере имитировать всевозможные и всеприсущие человеку возможности. Во-вторых, следует отметить, что даже смоделировать ситуацию наличия сильного искусственного интеллекта или если бы человечество уже имело

бы такие возможности, то наделению правосубъектностью искусственного интеллекта должны предшествовать длительные и многоаспектные теоретико-правовые исследования, поскольку цена риска слишком высока.

Таким образом, любые утверждения о признаках субъектности ИИ являются рассмотрением критериев для установления правосубъектности в общем праве. И в этом контексте можно сделать вывод, что все концепции правосубъектности имеют антропоцентрическую природу.

Анализируя базисную правосубъектность человека, ученые используют дескриптивный метод, то есть раскрывают ее путем обращения к атрибутивным возможностям человека, например, такими как способность к волевому решению, способность к мышлению, способность к самоосознанию. Также правосубъектность человека может раскрываться аксиологическим путем то есть, путем анализа целой системы ценностей, в которой человек имеет наивысшую ценность [6]. Применяя дескриптивный метод в контексте исследования искусственного интеллекта, следует отметить, что даже в случае функционирования технологий искусственного интеллекта на грани возможного не представляется возможным экспертным или научным путем достоверно определить наличие сознания в них. Современные интеллектуально-когнитивные пробные тестирования хотя и доказали, что технологии искусственного интеллекта способны весьма успешно имитировать человеческие действия и осмысленные поступки, но, однако широкий пласт остается недоказанным, например потому что реально проследить движение синапсов невозможно и таким образом невозможно доказать мыслительность искусственного интеллекта [3].

Стоит также учитывать и тот факт, что ныне объективно существующее право направлено на регулирование конкретных общественных отношений, а не мыслительных процессов. То есть системы искусственного интеллекта в перспективе тоже могут вступать в общественные отношения, и таким образом, быть участниками правоотношений, например, робот-брокер или умный робот-газонокосилка. И независимо от того, может ли такой робот или иная искусственная интеллектуальная система мыслить как человек, они имитируют поведение людей и способны порождать определенные юридически значимые последствия [7].

Однако пока что нельзя говорить о признании некоего предмета, имитирующего действия человека, субъектом права. Хотя мировому сообществу известны факты признания неодушевленного предмета субъектом права, но это обусловлено не наукой и объективностью, а сильными религиозными аспектами.

Действительно, в правоприменительной практике неизбежно будут появляться и формулироваться вопросы, вытекающие из того или иного казуса [8]. Например, кого привлекать к ответственности за убийство человека автономным дроном с искусственным интеллектом? Такие казусы имеют место быть, но правовое регулирование в данном аспекте скорее склонно к аналогии права, чем к правовой определенности.

Во многих ученых кругах отмечается, что субъектом права не всегда является активный участник правоотношений, например, Б. Броцка утверждает о том, что в вопросе о субъектности выявляется противоречие философским аспектам, так как попытка описать субъекта права-человека через его свойства, неизбежно приведет к определенной дилемме [9]. Например, возникнет диссонанс, заключающихся в том, что некоторые люди попросту лишены объективных и присущих всем свойств, и таких людей в обществе либо ограничивают, либо лишают дееспособности, однако это не говорит о том, что они лишаются правосубъек-

ности. То есть, очевидным является факт того, что дескриптивный подход является далеко не панацеей в вопросе о субъектности искусственного интеллекта.

Видится довольно очевидным, что в вопросе о признании систем искусственного интеллекта субъектами права следует придерживаться взвешенной и объективной парадигмы, говорящей о том, что на сегодняшний день достаточно рано говорить и о равенстве человека и искусственной его имитирующей машины. Однако для целей правового регулирования и поддержания высокого экономико-технологического уровня, необходимо продолжать изыскивать теоретические подходы к определению статуса искусственного интеллекта.

Далее целесообразным будет обратиться к раскрытию определения «искусственный интеллект» непосредственно в вышеуказанном Указе Президента. В данном подзаконном акте декларируется о том, что искусственный интеллект является революционным современным технологическим решением, возможности которого в перспективе безграничны и неизмеримы. Допускается, что системы искусственного интеллекта способны к самообучению на основе заданного человеком алгоритма, а также к достижению результатов, сопоставимых и сравнимых с результатами человеческой деятельности. Искусственный интеллект рассматривается как комплексное технологическое решение, которое может проявляться как определенные методы машинного обучения, как определенные интеллектуальные процессы, как сервисы или системы поиска и обработки данных.

Любопытным представляется ситуация о том, что в подзаконном акте не отображаются конструктивные позиции во вопросе относительно места и роли искусственного интеллекта в правовой системе Российской Федерации, то есть отсутствуют ссылки на регулирующее иное законодательство. То есть можно резюмировать, что Указ является по большей части декларативным актом, закрепляющим наиболее концептуальные позиции.

Анализ правовой и доктринальной литературы позволяет сделать вывод о том, что учеными и юристами до сих пор не сформулировано единого рамочного понятия искусственного интеллекта. Одним корпусом ученых искусственный интеллект рассматривается как нечто, выходящее за пределы правового поля регулирования, другим же корпусом ученых он рассматривается как нечто приемлемое и обоснованное. И.В. Понкин рассматривает искусственный интеллект больше как совокупность свойств всех ныне существующих передовых устройств [10]. В том числе он упоминает, что искусственный интеллект как система включает еще и биологически-электронномеханические устройства. По его мнению, искусственный интеллект как некое устройство-агрегат способно к пониманию и осознанию собственного поведения, воспроизведению в него заложенного, к обучению путем взаимодействия с окружающим миром и т.д. Помимо этого автором подчеркивается, что данные системы способны накапливать, систематизировать и применять по назначению человеческий опыт, то есть путем анализа поведения окружающих людей.

В тождественном ракурсе мыслит и профессор Р.Ф. Закиров, говоря об искусственном интеллекте как об отрасли теории вычислений. В своих трудах он больше придерживается легальной дефиниции, сформулированной еще в конце прошлого века: искусственный интеллект – это сферы информатизации, направленные

ная на изучение интеллектуальных машинных систем, которые по своим характеристикам и свойствам связываются с возможностями человеческих органов восприятия и передачи информации [9].

Вполне очевидно, что узловой проблемой во всех данных определениях является то, что в них напрочь отсутствуют правовые аспекты. Трудно говорить об изученности чего-то, чего правовой статус не известен. Поэтому существующие ныне определения не могут быть использованы во благо конструктивного урегулирования общественных отношений, возникающих в связи с повсеместным внедрением искусственного интеллекта.

Аналогично использованию понятия электрической энергии физиками, которое имеет свой смысл, но не является ключевым в правовых отношениях, для юристов важно установить юридическую характеристику электрической энергии в соответствии с законодательством о электроэнергетике. Таким образом, понятия, фокусирующиеся на технических характеристиках ИИ, не отражают связь описываемого явления с правом, и технологические аспекты таких понятий не могут служить основой для правового анализа или выводов.

Подводя итог исследованию, стоит отметить, что на данный момент отсутствует теоретическая почва для рассмотрения возможности о наделении систем искусственного интеллекта какой-либо правосубъектностью и уж тем более об использовании таких систем в правосудии. Однако жизнь многогранно и многоаспектна и не исключено, что имеющаяся правовая теоретическая парадигма в отношении систем искусственного интеллекта будет разрушено в мгновение ока ближайшие несколько лет.

Список источников

1. Архипов С.И. Субъект права: теоретическое исследование. Современные проблемы юридической науки: Учеб. пособие. Екатеринбург, 2019. С. 128 – 132.
2. Алексеев Н.Н. Основы философии права. СПб., 1999. С. 84 – 102.
3. Понкин И.В., Редькина А.И. Искусственный интеллект с точки зрения права // Вестник Российского ун-та дружбы народов. Серия: «Юридические науки». 2018. № 1. Т. 22. С. 94 – 95.
4. Закиров Р.Ф. Использование современных IT-технологий как средство достижения основных задач судопроизводства // Вестник гражданского процесса. 2018. № 1. С. 214.
5. Морхат П.М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы: Дис. ... докт. юрид. наук. М., 2018. С. 92 – 93.
6. Дурнева П.Н. Искусственный интеллект: анализ с точки зрения классической теории правосубъектности // Гражданское право. 2019. № 5. С. 30 – 33.
7. Чуев А.А. Оценка влияния отклонений беспилотных летательных аппаратов от заданной траектории на продольные и поперечные параллаксы перекрывающихся изображений подстилающей поверхности // Инфокоммуникации и космические технологии: состояние, проблемы и пути решения: Сборник научных статей по материалам VI Всероссийской научно-практической конференции, Курск, 14-15 апреля 2022 года. Курск: Юго-Западный государственный университет, 2022. С. 297 – 302.
8. Дубровский Н.С. Об актуальности некоторых проблем, связанных с муниципальным фильтром // Права человека: история, теория, практика : Сборник научных статей XI Всероссийской научно-практической конференции, Курск, 28 ноября 2023 года. Курск: ЗАО «Университетская книга», 2023. С. 163 – 167.

9. Хаддур З.А. Искусственный интеллект и права человека: юридическая и этическая ответственность за ущерб, причиненный технологиями искусственного интеллекта // *Право и управление*. 2023. № 3. С. 18 – 23.

10. Ларан А.А. Теоретико-правовые подходы к пониманию искусственного интеллекта: понятие, виды и существенные признаки искусственного интеллекта // *Студенческий*. 2021. № 36-3 (164). С. 50 – 55.

References

1. Arkhipov S.I. Subject of law: theoretical research. Modern problems of legal science: Textbook. allowance. Ekaterinburg, 2019. P. 128 – 132.

2. Alekseev N.N. Fundamentals of the philosophy of law. St. Petersburg, 1999. P. 84 – 102.

3. Ponkin I.V., Redkina A.I. Artificial intelligence from the point of view of law. Bulletin of the Russian University of Peoples' Friendship. Series: "Legal Sciences". 2018. No. 1. T. 22. P. 94 – 95.

4. Zakirov R.F. The use of modern IT technologies as a means of achieving the main objectives of legal proceedings. Bulletin of Civil Procedure. 2018. No. 1. P. 214.

5. Morhat P.M. Legal personality of artificial intelligence in the field of intellectual property law: civil legal problems: Dis. ... doc. legal Sci. M., 2018. P. 92 – 93.

6. Durneva P.N. Artificial intelligence: analysis from the point of view of the classical theory of legal personality. Civil law. 2019. No. 5. P. 30 – 33.

7. Chuev A.A. Assessing the influence of deviations of unmanned aerial vehicles from a given trajectory on the longitudinal and transverse parallaxes of overlapping images of the underlying surface. Infocommunications and space technologies: status, problems and solutions: Collection of scientific articles based on the materials of the VI All-Russian Scientific and Practical Conference, Kursk, April 14-15, 2022. Kursk: Southwestern State University, 2022. P. 297 – 302.

8. Dubrovsky N.S. On the relevance of some problems associated with the municipal filter. Human rights: history, theory, practice: Collection of scientific articles of the XI All-Russian Scientific and Practical Conference, Kursk, November 28, 2023. Kursk: ZAO "University Book", 2023. P. 163 – 167.

9. Khaddur Z.A. Artificial intelligence and human rights: legal and ethical responsibility for damage caused by artificial intelligence technologies. Law and Management. 2023. No. 3. P. 18 – 23.

10. Laran A.A. Theoretical and legal approaches to understanding artificial intelligence: concept, types and essential features of artificial intelligence. Student. 2021. No. 36-3 (164). P. 50 – 55.

Информация об авторе

Капанина Д.Н., Юго-Западный государственный университет

© Капанина Д.Н., 2023